

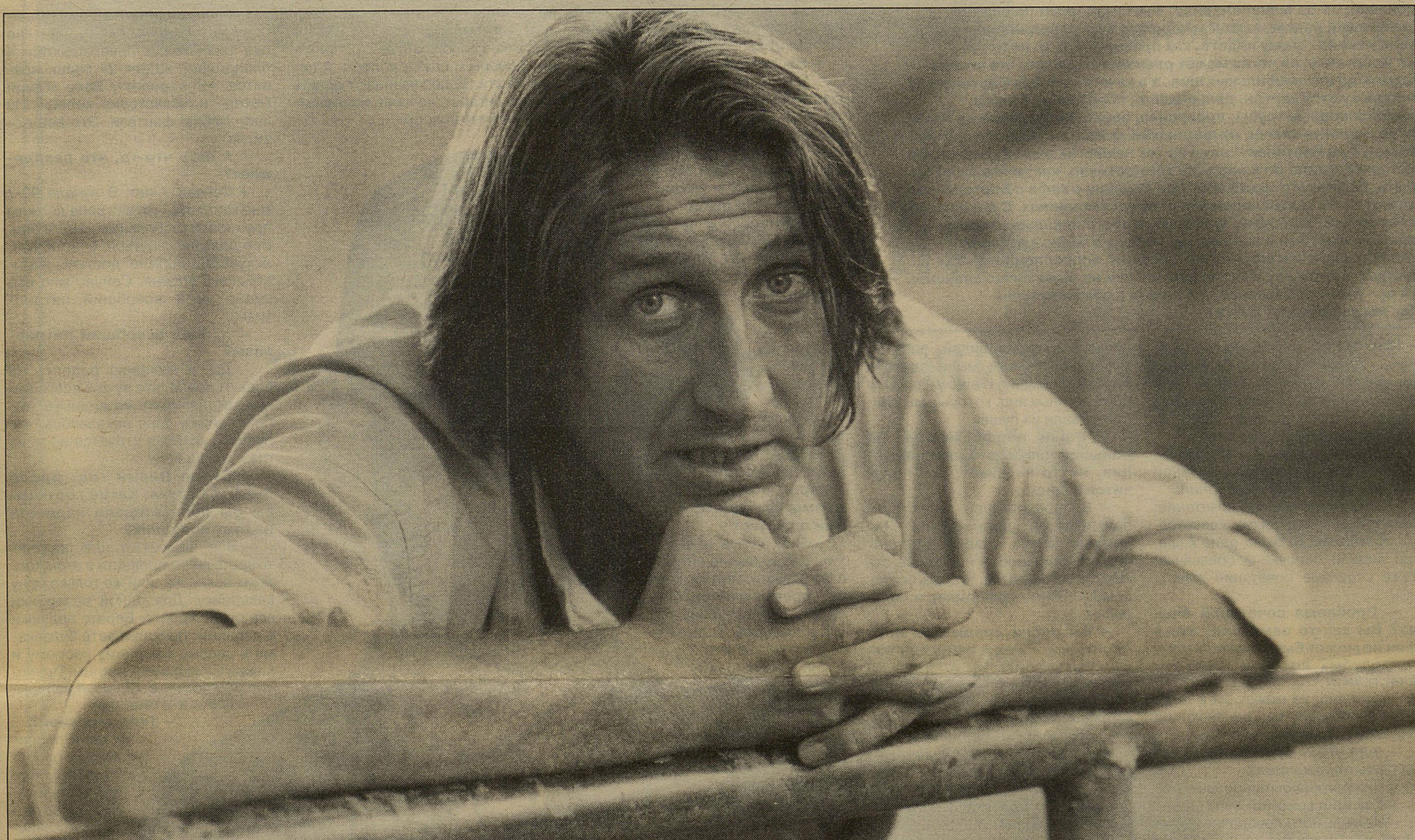
8.12.2004

Митяев Олег

20

ВЕЧЕРНИЙ КЛУБ
8 декабря 2004

КЛУБНЫЕ ВСТРЕЧИ

«НАДО ОБЛАДАТЬ БОЛЬШОЙ МУДРОСТЬЮ,
ЧТОБЫ БЫТЬ РОМАНТИКОМ»ОЛЕГ МИТЯЕВ:
«Все мои друзья-актеры
мне завидуют»

Если вы сидите в хорошей компании у костра или просто за праздничным столом и под рукой у вас гитара, рано или поздно после третьей или пятой вы неминуемо споете о том, что «как здорово, что все мы здесь сегодня собрались». А также о том, что «лето – это маленькая жизнь». И еще – «с добрым утром, любимая!». И вообще «давай с тобой поговорим!». Все эти и многие другие песни (их число уже перевалило за сотню) написал и озвучил для народа заслуженный артист России Олег МИТЯЕВ. Человек, который вот уже двадцать пять лет, размышляя, поет. А точнее – размышляет песней, причем сегодня – на самых престижных сценах, вроде МХТ или Кремлевского дворца. Выпускает альбомы. Снимается в кино. Играет в спектаклях. Пишет книжки.

КТО ЕСТЬ КТО?

– Вы сегодня считаетесь одним из самых успешных бардов... Или все-таки певцов? Или артистов? Сами кем себя считаете?

– Мне нравится никем себя не считать.

– А чем все-таки, на ваш взгляд, бард отличается от «простого» певца?

– Наверное, более широкое и современное понятие – автор-исполнитель. Под эту категорию могут попасть те, кто пишет или музыку, или стихи, или и музыку и стихи, и тот, кто сам поет. Это и рокеры, и шансон, и просто эстрадники, и, конечно же, барды. Мне всегда интересно наблюдать, куда меня отнесут. Куда отнесут – туда и ладно.

– Вы учились на актерском в ГИТИСе...

– Да, причем вместе с Михаилом Евдокимовым, нынешним алтайским губернатором.

– А почему же не пошли по сладкому актерскому пути?

– Сладкому? Как у вас язык повернулся? Это абсолютно

зависимая профессия. И все мои друзья-актеры, даже самые удачливые, мне завидуют. Потому что они все равно ждут – вот придет режиссер, вот предложит. Будет ли это совпадать с их сущностью и желанием – еще вопрос. А у меня в руках авторочка, я могу писать то, что хочу.

ИЗ ЧУВСТВ
И ВПЕЧАТЛЕНИЙ

– На каких стихах росли?

– Дело в том, что, в отличие от многих замечательных поэтов, мне в детстве не очень повезло. У меня в принципе не было культурной среды. Не было в доме такого большого книжного шкафа... Ну, похаживал я в библиотеку Челябинского трубопрокатного завода. Но не встретил такого человека, который мне посоветовал бы, что читать. Поэтому читал все, что попадалось под руку. Не знаю, хорошо это или плохо. Ведь, с другой стороны, многие вещи я открываю для себя только сейчас. Гоголя, Чехова, многих других классиков.

И рад, что впервые это читаю в зрелом возрасте, когда уже есть какой-то жизненный опыт, помогающий более правильно воспринять литературу.

– Насколько ваши песни автобиографичны?

– «Ну, конечно...» Это я сейчас пишу песню, так она начинается. Ну, конечно, они сотканы из моих чувств и впечатлений. Но иногда сюжет абсолютно не имеет отношения к впечатлениям. Сюжет можно придумать, а впечатление как-то облаком встраивается в него. Гораздо важнее, что эта эмоция настоящая, что ты ее прочувствовал.

– Родители имели отношение к искусству?

– Нет, никакого. Я рос в Челябинске. Отец работал на заводе, мама – то прачкой, то поварихой. Единственный большой плюс – она всегда меня держала в строгости,

отправляла в пионерские лагеря, турпоходы. И я всегда считал себя челябинским. Только недавно узнал, что отца завербовали на Челябинский трубопрокатный из Курской губернии в шестнадцать лет. А на курской земле остались могилы бабушки, дедушки. Я там как-то был и разузнал, что все мои предки из курских крестьян. Знаете, до определенного возраста нас это не особенно волнует. После сорока понял, что хочу больше знать о своих корнях. Удивительно, что раньше об этом не задумывался, не спрашивал. А родители и не рассказывали.

ПЕСНЯ ВМЕСТО
ЛЕКЦИИ

– Почему начали писать песни – какой был первый импульс?

– Я не предполагал, что вообще буду сочинять. Ну, петь еще как-то в самодеятельности по необходимости заставляли – пел. А вот чтобы самому писать песни... Об этом увлекательном занятии узнал только когда отслужил в армии после монтажного техникума.

В 78-м году, на втором курсе института физкультуры, я случайно, прогуливаясь по берегу Ильменского озера, наткнулся на фестиваль самодеятельной песни. И был потрясен этой чудесной атмосферой, такими мне знакомыми и такими классными песнями, и, конечно, людьми – определенного интеллектуального уровня. Плюс к этому природа... И я захотел на следующий год туда обязательно приехать. Но надо было приехать с чем-то. И на лекции по плаванию я написал песню «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались». У меня, правда, раньше были какие-то совсем вымученные из влюбленной души наброски, но незаконченные, неоформленные. Уже тогда я заметил, что к пишущим – совсем другое отношение и внимание. И в авторской песне высший пилотаж – когда ты не только хороший исполнитель, но сам сочиняешь и музыку, и стихи, и сам поешь. Вот это я почувствовал на ранней стадии. И старался вволю.

С Михаилом Евдокимовым.

86-87

— На ваш взгляд, сохранились еще романтики в движении КСП?

— Конечно, сохранились. И надо обладать большой мудростью, чтобы быть романтиком, потому что жизненные правила как-то нас смяли. Вообще, я думаю, люди верующие — как раз романтики. Потому что они живут не сегодняшним днем, а верят в какую-то историю, не относящуюся к быту. Они как раз думают о духовном, о высоком, и это очень сильно переплетается с «Алыми парусами».

Но есть еще «лирики». И они, мне кажется, к сожалению, атеисты. Они очень любят эту жизнь, и запах озона, и природу, и поэтому ближе к палаткам и кострам — там все это гораздо острее. Вот такая порода бардов тоже существует. Но, я думаю, это чувство живет в каждом человеке. Просто на сегодняшний день прагматизм побеждает, потому что... видимо, Маркс был прав — прежде всего человек должен есть, пить и одеваться. А потом уже сидеть у костра и петь песни.

ПЕРЕВОДЫ С ЯПОНСКОГО

— Для кого ваши песни?

— Нельзя сказать, что я пишу для себя. Но я — главный судья. Вообще у любого человека, который что-то пишет, главным судьей является его вкус. Если у тебя нет этого вкуса и ты сам не способен определить, хорошо или плохо то, что ты делаешь, то, в общем, можешь не ходить и не спрашивать никого — не поможет. Поэтому когда я что-то делаю и мне это очень нравится, у меня есть надежда, что это понравится и другим. Но я вполне допускаю, что кому-то это будет абсолютно безразлично, для кого-то — неглубоко, а для кого-то, возможно, недостижимо.

— Вы много гастролируете, дважды выступали даже в Африке — неужели там кому-то интересны наши песни?

— Я соглашусь на это ради экзотики. Как бы я еще попал в Южную Африку и подробно посмотрел эту страну, если бы не с концертами? Сейчас вот собираемся в Австралию. Неохваченной остается пока Япония. А вот вся Европа, Америка, Южная и Северная, — все это мы уже прошли. Кстати, не все знают, что мои песни переведены на японский язык. Я очень горд этим. Из них сделали танки и хайку. Это три-четыре строчки, которые мне затем снова перевели на русский. И, спрашивается, чего я писал так много? Например, такая танка:

Все мы здесь,
Закатным отблеском
Пляшет костер меж сосен.
Здорово как! Или вот еще:
Надпись красивая
Смотрит в окна любимой.
Периферия!

Близко к оригиналу получилась и такая танка:

Снова гость у соседки.
Как назвать ее,
Чтобы не обидеть
Одинокую женщину?

В ШАНСОНЕ ВСЕ ПЕРЕПУТАНО

— Вы были знакомы с Окуджавой. Что цените в нем?

— Если не касаться литературного таланта, который присутствовал в полной мере, прежде всего — гражданскую позицию. Булат Шалвович никогда не называл себя интеллигентом, но эта черта — говорить правду, даже если невыгодно — как раз присуща интеллигент-

ному человеку.

— А кто в русском шансоне сегодня может стать с Окуджавой на один уровень?

— Я об уровне не говорил бы. Уровень у каждого слушателя свой. Для кого-то и Бродский, и Окуджава просто недоступны, поэтому для них эти фамилии ничего не значат. А в шансоне так все перепутано с блатняком, наносное с настоящим, что там очень сложно разобраться. Вот Александр Яковлевич Розенбаум — и поэт, и музыкант, и композитор, и певец. Все это в небольших долях, но, объединившись, даёт уникальное явление — Александр Розенбаум. И большинство населения его принимает за своего. А, скажем, Александр Мирзаян менее доступен, мы его меньше слышим, он меньше пишет, но он гораздо глубже в том, что делает. И это его выбор. А у публики свой выбор, кого слушать.

БЕЛАЯ ЗАВИСТЬ

— Пишете на заказ?

— Вот сейчас сижу и думаю: кто бы песню заказал! Никто не заказывает! А спросите, почему мне так этого хочется...

— На машину заработать?

— Машина уже есть. Просто заказ служит лишним поводом посадить себя за стол. Определенные временные рамки и определенная тема дисциплинируют...

— У вас много грустных песен, меланхолических... Это соответствует вашему характеру?

— Мне кажется, они не грустные, а спокойные. Предполагающие какие-то размышления. У меня есть своя теория. Для того, чтобы поднять людям настроение, нужно слушать грустные песни. Я понял это в юности на танцевальной площадке. Все плясали, а мне сквозь эту радость приятно было чувствовать себя таким задумчивым. Блоком, как бы в противовес. Когда мы слушаем грустные песни — наоборот, хочется быть радостными. Может быть, это моя личная история, но вполне вероятно, что у каких-то людей чувства точно такие же, как у меня.

— Не испытывали «белой зависти» к успешным, раскрученным певцам или артистам эстрады?

— Да постоянно! Для меня, скажем, блеск Михаила Михайловича Жванецкого недостижим — белой завистью ему завидую. Как что-нибудь скажет, думаешь: «Ну елки-палки! Ну как же здорово!» А что касается именно песен, у меня есть такой давно заду-

маный проект «СВОИ ПЕСНИ». Там собраны вещи других авторов, которые я бы написал сам, но они уже написаны — и мне остается их только спеть. Девизом этого альбома можно взять строчки Геннадия Васильева: «Чтобы наши песни пели как свои».

С «Песнями нашего века».

Сергей, Филипп и Олег Митяевы.

— Почему вас нечасто можно увидеть в телевизоре?

— А потому что не стоит задача как можно чаще мелькать на экране. Если бы она стояла, я бы знал, как ее выполнить. Как организовать это, проплатить, чтобы лицо мелькало. Но это мне абсолютно неинтересно.

ПОД СЕНЬЮ КУЩ

— Что губительно для творчества?

— Об этом давно сказано — суета.

— Поэтому вы и удалились из города в Ватутинки, под сенью куш?

— Здесь тоже суета, и отсюда тоже надо куда-то удалиться. Например, очень хорошо пишется в гостиницах. Там одновременно такая казенная ограниченность и простор для мыслей.

— Вы не городской человек?

— Не знаю... Хотя, конечно, природе очень люблю и мне уже не может прийти в голову возвращаться жить в город. Кстати, когда я

приехал в Ватутинки, сразу стал писать о своей деревне. Поэтизировал все направо и налево. Одному соседу как-то напел, тот послушал, а потом говорит: «Тут у нас Матусовский тоже как-то вышел на берег речки и написал: «Речка движется и не движется, вся из лунного серебра...» Да у нас там каждый квадратный сантиметр чем-то знаменит. И я поэтому следующую песню написал уже о другой деревне — Царском Селе.

— Кстати, в ваших песнях персонажи регулярно выпивают и не всегда закусывают... Алкоголь помогает?

— Ну... я думаю, если хороший алкоголь и в меру. На эти слова надо обратить особое внимание. Они банальны, но очень важны. Хороший и в меру! Главное — он может быть только дополнительным антуражем к общению с хорошим человеком.

— Сомневаюсь, чтобы русский человек взял эти слова на заметку...

— В том-то и беда.

БАТТЕРФЛЯЙ НЕ ПРИГОДИЛСЯ

— У вас много песен о любви. Идеал женщины для вас...

— Идеала быть не может, потому что прелесть женщины в ее неповторимости.

— Чему учите четырех своих детей?

— Да учить-то особо некогда. Остается только надеяться, что самое лучшее воспитание — это воспитание личным примером. Надо вести себя порядочно в жизни, чтобы дети на это ориентировались.

— Они слушают ваши песни?

— В общем-то пока нет. Ну, некоторые, может быть. Мало, немного и не те.

— Какая из полученных вами многочисленных профессий реально пригодилась в жизни?

— Да никакая, за исключением, может быть, актерской.

— А не обидно?

— Знаете, я могу проводить открытую проводку по деревянному дому — знаю, как сделать нужные крепления. Но чего-то ни разу это не пригодилось. Или, например, могу вам показать технику движения рук при плавании способом «баттерфляй». Но тоже не особо пригодилось в жизни... Хотя сыновей научил плавать.

— А что за проект, связанный с Пушкиным, который вы сейчас готовите?

— Альбом на его стихи. Это дело нескорое, потому что хотелось бы записать его очень хорошо. Часть песен уже написали Леонид Марголин, Андрей Крамаренко, другие авторы. Я буду просить участвовать и Пахмутову, и Тухманову, и Тамару Гвердцители, и белорусских «Песняров», и Юлию Началову, а также неизвестных пока исполнителей с прекрасными голосами. Главная цель этого проекта — творческий результат, а не коммерческий. Старый тухмановский альбом «По волнам моей памяти» служит для меня образцом и примером. Никому не известные тогда певцы спели замечательные песни на стихи Бодлера, Цветаевой, Ахматовой. Если сейчас этот альбом послушать, он звучит абсолютно современно, и пока для меня остается «номером один».

— Что в нашей жизни вас удивляет больше всего?

— Все! Как Господь Бог все это замечательно придумал! И было бы как раз очень странно не удивляться самой жизни.

Встречалась
Наталья БОБРОВА